

УДК 94(470).083

ШНЕЙДЕР Константин Ильич — д.и.н., доцент кафедры древней и новой истории России Пермского государственного национального исследовательского университета (614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева 15; kshneyder@yahoo.com)

ТРУДОЛЮБИВЫЙ ЭСТЕТ И «КНИЖНАЯ МЫШЬ» А.В. ДРУЖИНИН

Аннотация. В статье исследуются интеллектуальное наследие и биография известного представителя раннего русского либерализма А.В. Дружинина. Автор выявляет особенности первоначальной российской либеральной концепции через изучение нюансов восприятия либералами роли эстетических воззрений в социальном конструировании. А.В. Дружинин является одним из авторов раннелиберальной концепции, которая формировалась во второй половине 1850-х – 1860-е гг. Именно А.В. Дружинин внес наибольший вклад в разработку эстетической части программы раннего русского либерализма, будучи создателем отечественной версии теории «чистого искусства». Он неоднократно высказывался за усвоение ее основных положений в качестве неперемennого условия позитивной рецепции европейского либерального опыта в России.

Ключевые слова: история, эстетика, история идей, личность, концепция «чистого искусства», ранний русский либерализм

Феномен раннего русского либерализма невозможно представить без разработанной и содержательно непростой эстетической составляющей. Индивидуалистическое начало, определяющее природу либерального мировоззрения в целом, детерминировало сферу чувственного в отечественном раннелиберальном дискурсе. Он был наполнен разнообразными рассуждениями о внутренней гармонии человека, истинной красоте в ее сугубо приватном восприятии и ценности искусства как незаменимого инструмента для сохранения душевного равновесия при соприкосновении с окружающей действительностью. Среди ранних русских либералов признанными экспертами в области эстетики считались П.В. Анненков, В.П. Боткин и особенно А.В. Дружинин, которых во второй половине 1850-х гг. активно поддерживал М.Н. Катков.

Эстетическая декларация отечественного либерализма 1850-х – начала 1860-х гг. включала в себя антидидактизм, творческий индивидуализм, иногда граничивший с эгоцентризмом, художественный вкус, элитизм и гедонизм [Егоров 1965; Егоров 1982; Егоров 1989; Пруцков 1958]. Либералы концентрировались на абсолютной ценности внутреннего мира человека, неограниченных возможностях его свободного проявления и способности к индивидуальному восприятию великих тайн искусства.

Александр Васильевич Дружинин (1824–1864) происходил из дворянской семьи действительного статского советника и до 16 лет воспитывался дома, после чего поступил в привилегированный Пажеский корпус. В 1843 г. он был выпущен из корпуса и произведен в прапорщики лейб-гвардии Финляндского полка, где близко познакомился с П.А. Федотовым, впоследствии знаменитым русским художником. В 1846 г. Дружинин вышел в отставку в чине подпоручика и служил в канцелярии военного министерства. По поводу перехода на гражданскую службу Александр Васильевич сделал интересную запись в своем дневнике: «Спешу объяснитьсь перед самим собою: я поступаю в гражданскую службу не за тем, чтоб добиваться чинов и видных мест: ко всему этому я очень холоден и за несколько тысяч рублей в год готов дать подписку на всю жизнь остаться отставным подпоручиком. Мне надо каждый год несколько денег на мои прихоти и чтоб не быть в тягость семейству...»¹. В 1851 г. он окончательно покинул службу в статусе коллежского асессора и зарабатывал себе на жизнь литературой и переводами. Александр Васильевич пробивал

¹ Дружинин А.В. *Повести. Дневник*. М. 1986. С. 151.

себе дорогу к известности и материальному благополучию упорным и кропотливым каждодневным трудом, за что и получил прозвище «книжная мышь».

Первое же произведение — повесть «Полинька Сакс», напечатанная в 1847 г. в журнале «Современник», — принесло ему известность в кругах читающей публики. Среди других работ следует вспомнить «Рассказ Алексея Дмитрича» (1848) и роман «Жюли» (1849), вышедшие в свет в том же издании. В 1840-х гг. Дружинин не принадлежал к кругу В.Г. Белинского и, вспоминая литературно-критическую мысль того периода, упрекал ее в безусловном дидактизме.

Дружинин традиционно считается родоначальником жанра фельетона-обозрения в отечественной публицистике, представленного сначала в «Современнике» в 1849–1851 гг. «Письмами иногороднего подписчика в редакцию “Современника” о русской журналистике». Свои публикации Александр Васильевич продолжил в журнале «Библиотека для чтения», где они выходили под названием «Письма иногороднего подписчика о русской журналистике».

Дружинин достаточно иронично относился к своим собратьям по ремеслу фельетониста. В одном из своих «Писем» за 1851 г. он утверждал: «Я потому-то и люблю скромных поэтов, что ненавижу всеми силами фельетониста, ненавижу эту журнальную, мизерную, грешную, постыдную готовность воевать с беззащитными! Война с беззащитными, это пятно нашей журналистики, ее стыд, ее... но удержимся от названия»¹. Тем не менее он надолго сохранил себя в этом юмористическом жанре. В 1852–1853 гг. Дружинин возобновил профессиональные связи с журналом «Современник», где печатались «Письма иногороднего подписчика об английской литературе и журналистике», а в 1854 г. — и его «Письма иногороднего подписчика о русской журналистике».

По мнению Б.Ф. Егорова, от «фельетоновлитературно-критических был естествен переход Дружинина к чисто развлекательным фельетонам, к своеобразной смеси очерка, фельетона, детективной повести, юмористического рассказа...» [Егоров 1989: 13]. Этот жанр Александр Васильевич представил в 1850 г. циклом под названием «Сантиментальное путешествие Ивана Черноокнижника по петербургским дачам», появившемся на страницах «Современника» и принесшем автору широкую известность. Хотя в круг «черноокнижников» в разное время «входили Некрасов, Д.В. Григорович, М.Н. Лонгинов, В.П. Боткин, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой и др., но инициатором и вдохновителем “черноокнижных” занятий и развлечений был Дружинин, что отразилось и в его очерках-фельетонах» [Егоров 1989: 14].

С другой стороны, Дружинин известен как блестящий знаток наиболее заметных явлений в европейской художественной мысли, яркий и глубокий литературный критик, прекрасный переводчик произведений Шекспира. Он путешествовал по Италии, Франции, Германии и Швейцарии. В 1856 г. после многолетнего сотрудничества с «Современником» Александр Васильевич принял у О.И. Сенковского редакторство журнала «Библиотека для чтения» и до 1860 г. руководил этим изданием, после чего по состоянию здоровья отошел от дел.

В 1855–1858 гг. Дружинин написал серию программных статей и рецензий, представивших собой своеобразный манифест теории «чистого искусства». Среди них в первую очередь стоит отметить такие, как «А.С. Пушкин и последнее издание его сочинений» (1855), «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения» (1856), «“Очерки из крестьянского быта” А.Ф. Писемского» (1857), «“Очерк истории русской поэзии” А.П. Милюкова» (1858).

Александр Васильевич склонен был рассматривать отечественную историю литературного слова в рамках двух основных школ-направлений: «артистической», отражавшей жизнеспособное и плодотворное чистое «искусство для искусства», а также «дидактической», ориентированной на сферу рутинных повседневных практик и тяготевшей к прямому поучению в качестве основного метода воздействия. Первая из них, по его мнению, связана с именем А.С. Пушкина, вторая — с творче-

¹ Дружинин А.В. Письма иногороднего подписчика. Письмо двадцать шестое. — *Собрание сочинений*. СПб. 1865. Т. 6. С. 556.

ством Н.В. Гоголя и социальной критикой, начиная с В.Г. Белинского и заканчивая Н.Г. Чернышевским.

Дружининым двигало искреннее убеждение в непреходящей силе прекрасного, существующего везде и во все времена независимо от превратностей национальных историй. Рассуждая об отечественном историческом опыте взаимоотношений между властью, искусством и личностью он отмечал: «Старая Русь могла страдать от тысячи бед внешних и внутренних, но если она имела свою поэзию, то эта поэзия не могла выражать одних жалоб и недовольства жизнью. Никакое государство, самое концентрированное, самое малое по объему, не в силах поглотить всей жизни каждого из своих членов, не в силах слиться со всем его существованием и подчинить себе частный, многосторонний мир души человеческой»¹.

В своих статьях Дружинин последовательно стремился деполитизировать любое профессиональное обсуждение какого-либо периода или явления в истории русской культуры. Он, как и некоторые другие ранние русские либералы (В.П. Боткин, К.Д. Кавелин), старался демонстрировать подчеркнута «объективное» отношение к знаменитому спору коллег — западников и славянофилов, нередко отдавая должное концептуальной прозорливости последних. В духе «чистого искусства» Александр Васильевич оценивал недостатки обеих сторон в подходах к восприятию национальной культурной истории на примере поэзии. «Ни та, ни другая сторона не подумала о неполноте исторического метода оценки, о разграничении элементов политического и неполитического. Ни один из спорящихся не сказал своего слова о том, что народная поэзия, нося на себе отпечатки разных исторических периодов, все-таки во многом остается проявлением частной жизни народа, вовсе не зависевшей от событий политических», — считал Дружинин².

Вместе с тем он никогда не покидал комфортное и близкое ему пространство либеральной мысли, наполненное аксиологией свободы, индивидуализма, европеизма. Александр Васильевич неоднократно высказывался в пользу освоения чужого, в частности западного, социокультурного опыта во благо перспектив отечественного развития и не рассматривал это в качестве своего рода подчинения или рабского подражания с неизбежной утратой национальной исторической специфики.

Более того, Дружинин противился самой идее механического копирования любой, даже «эталонной» модели социальной практики без соответствующих процедур критического анализа. Он настаивал на том, что, воспринимая «чужеземную идею, помогающую нашему труду, мы должны иметь над ней две критики — одну свою, а другую чужеземную. Учась у немца, мы должны знать, что думает француз об идеях нашего учителя, — заимствуя понятия у француза, нам не мешает проверить то, как смотрят англичане на это понятие. Из взаимного международного контроля, проведенного через русский ум и примененного к русскому миру, и выйдет та истина, которою мы можем руководиться»³.

В данном случае важно отметить сочетание в мировоззрении Дружинина рационализма в духе европейского Просвещения и эстетических идеалов «чистого искусства», сдобренных порой изрядной толикой романтической риторики. В своих работах Александр Васильевич не раз размышлял о необходимости практического результата в нелегком деле укоренения всего нового на русской почве. За отечественным примером успешного внедрения «передового опыта» он обращался к фигуре и деятельности Петра Великого: «Человек, просвещающий себя, должен быть для своего нравственного мира в некотором смысле тем же, чем был великий преобразователь России, государь Петр Великий для края, богом ему вверенного. Подобно тому, как наш великий просветитель усилиями могучей своей воли вводил великие идеи, им добытые, в жизнь и быт России, всякий честный и слабый человек, обогащаясь сокровищами мудрости, обязан во что бы то ни стало сроднить эти

¹ Дружинин А.В. «Очерк истории русской поэзии» А. Милюкова. — *Литературная критика*. М. 1983. С. 217.

² Там же. С. 224.

³ Дружинин А.В. Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения. — *Литературная критика*. М. 1983. С. 143.

сокровища с своей жизнью, применить их к средствам и потребностям среды, его окружающей», – убеждал Дружинин¹.

Наиболее близкой к идеальной модели культурного развития он считал Британию, о чем говорили почти все ранние русские либералы. Так же как многие из них, Александр Васильевич отдавал должное громадной исторической роли, которую сыграла английская аристократия в процессе формирования канонических для европейской цивилизации социальных норм и правил. Особое внимание он обращал на высокий образовательный ценз британского высшего света, где «любовь к науке и словесности в короткое время смягчила нравы британской аристократии и поставила ее на ту высокую ступень образованности, которая дает ей полное право гордиться и смотреть свысока на светское сословие остальной Европы». Каждый из участников знаменитого эстетического триумвиата в составе Анненкова, Боткина и Дружинина так или иначе касался «женской» темы в контексте гендерного равноправия в интеллектуально-образовательном пространстве. В частности, Александр Васильевич в «Письмах об английской литературе» на том же британском примере восхищался содержательным внутренним миром юных представительниц аристократических семей туманного Альбиона. По его мнению, этому обстоятельству в первую очередь способствовали знания ими истории живописи и чтение знаменитых старых английских писателей.

В России отечественного классика «чистого искусства» весьма раздражали литературные пристрастия читающей публики. «Со стыдом и сокрушенным сердцем я видал не раз в Петербурге семейства, и очень хорошие семейства, в которых Пушкин, Лермонтов и Гоголь считаются авторами “не для дам”, между тем как томики презренного Поля Феваля или бессовестного Александра Дюма валяются по всем столикам квартиры, доступные не только для девиц, но даже и для ребятишек!» – возмущался Дружинин². Очевидный аристократизм взглядов Александра Васильевича носил заметный флер демократизма, прежде всего в вопросах возвышения статуса женщины.

Вообще тема элитарности в концепции раннего русского либерализма неоднократно поднималась в отечественной и зарубежной историографии. На первый взгляд Дружинин сполна отдал дань увлечению элитизмом в своих многочисленных размышлениях не только сугубо эстетических, но и социальных. Вопрос заключается скорее в интерпретации этой особенности мировоззрения одного из отечественных либералов середины XIX столетия.

С одной стороны, Александр Васильевич представал в роли едва ли не главного адепта гедонизма в либеральной среде, поэтизовавшего ценность истинного, подвластного лишь избранному высокому наслаждения жизнью в противовес безмерной пошлости простого житейского существования. «И действительно, как не чувствовать весьма понятной слабости к предметам этого прелестного, спокойного артистического мира, с которыми соединяются одни изящные помыслы, от которых мы не получаем ничего кроме наслаждения, стоя перед которыми мы забывали всякое горе, с помощью которых наш ежедневный быт украшался и возвеличивался!» – восклицал Дружинин³.

Сама концепция «чистого искусства» была пропитана элитарным отношением к внешнему миру, разгадать главную тайну которого под силу узкому кругу посвященных. Дружинин, безусловно, являлся одним из них, т.к. обладал завидным и поражающим многих современников запасом знаний культурной истории большинства европейских стран, а его тонкие, эстетически выдержанные и юмористические литературные обзоры снискали автору громкую славу в образованном обществе. Он боготворил поэтическое восприятие окружающей действительности, возникающее и развивающееся по своим собственным законам, ибо мир поэзии есть «целый мир, своеобразный до крайности, мир, руководящийся своими соб-

¹ Дружинин А.В. «Повести и рассказы» И. Тургенева. – *Прекрасное и вечное*. М. 1988. С. 357.

² Дружинин А.В. Письма об английской литературе. Письмо четвертое. – *Собрание сочинений*. СПб. 1865. Т. 5. С. 335.

³ Дружинин А.В. Письма иногороднего подписчика. Письмо двадцать третье. – *Собрание сочинений*. СПб. 1865. Т. 6. С. 460.

ственными законами, не имеющими ровно ничего общего с законами простого прозаического мира»¹.

За Дружининым прочно закрепилось прозвище «денди», подчеркивавшее умение владеть собой, быть аккуратным, стильным, точным, отстраненно сдержанным, достойным преемником и продолжателем традиции П.Я. Чаадаева. Сравнивая классическое британское проявление «дендизма» с отечественным, Александр Васильевич критически относился к английской моде и утверждал: «Светский наш дендизм незначителен и крайне доступен всякому человеку, имеющему мозг в голове и несколько денег в кармане. Но в Англии, стране колоссальных капиталов и утонченной роскоши, дендизм, по своей грациозности, делит общество на несколько резких кругов, создает свой особенный мир, с интересами, чуждыми общим интересам, со страстями, развивающимися неправильно, с условиями стеснительными и гордостью огромной»².

Наконец, Дружинин был нетерпим к любым проявлениям внешней социальной агрессии, направленной на искусственную регламентацию культурного пространства и свободного внутреннего мира человека. «Русское искусство, увлекаемое к публицистике, социальной дидактике и постоянному глухому протесту, через это самое становилось в положение мизерное, оскорбительное, ребяческое. Оно лишилось лучшей своей силы – независимости от временных целей, не выигрывая взамен того ни влияния, ни политического значения», – настаивал он³.

С другой стороны, Дружинин ни в малейшей степени не был очарован повседневной жизнью «света» и не видел в ней свое место. Скорее всего, Александр Васильевич принадлежал к числу поборников идеи «аристократизма духа», не только не испытывавших витального желания породниться с представителями элитных слоев общества, но даже интеллектуально противостоявших им. По мнению Егорова, многое из того, что Дружинин вкладывал в понятие «дендизм», оказывалось глубоко человеческим. Таков, например, «лейтмотив, проходящий сквозь весь Дневник, да и вообще сквозь всю жизнь писателя: стремление к ограничению своих потребностей, довольство малым, постоянное благодарение судьбе за доставленное ему счастье» [Егоров 1989: 19].

Чем дальше к концу 1850-х гг., тем больше Дружинин тяготел к этически выверенной, освобожденной от крайностей просвещенческой позиции, до некоторой степени примирявшей эстетику «чистого искусства» с ее метафизикой и трансцендентальными мотивами, с одной стороны, и формировавшееся демократическое направление в культуре с его социально-дидактическими интенциями – с другой. По инициативе Александра Васильевича в 1859 г. в России появилось Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературный фонд), а в 1861 г. он с оптимизмом встретил крестьянскую реформу. Умер Дружинин 19 января 1864 г. от чахотки и был похоронен на Смоленском кладбище северной столицы.

Список литературы

Егоров Б.Ф. 1965. «Эстетическая критика» без лака и дегтя (В.П. Боткин, П.В. Анненков, А.В. Дружинин). – *Вопросы литературы*. № 5. С. 142-160.

Егоров Б.Ф. 1982. *Борьба эстетических идей в России середины XIX века*. Л.: Искусство. 269 с.

Егоров Б.Ф. 1989. Проза А.В. Дружинина. – *Полинька Сакс. Дневник*. М.: Правда. С. 5-22.

Пруцков Н.И. 1958. «Эстетическая» критика (Боткин, Дружинин, Анненков). – *История русской критики*. М.: АН СССР. Т. 1. С. 444-469.

¹ Дружинин А.В. «Повести и рассказы» И. Тургенева. – *Прекрасное и вечное*. М. 1988. С. 305.

² Дружинин А.В. Письма иногороднего подписчика. Письмо десятое. – *Собрание сочинений*. – СПб. 1865. Т. 6. С. 228.

³ Дружинин А.В. Сочинения А. Островского. Два тома. – *Литературная критика*. М. 1983. С. 274.

SHNEIDER Konstantin Il'ich, Dr.Sci.(Hist.), Associate Professor of the Chair of Ancient and Modern History, Perm State University (15, Bukireva St, Perm, Russia, 614990; kshneyder@yahoo.com)

ALEXANDR DRUZHININ, A HARDWORKING ESTHETE AND A «BOOK MOUSE»

Abstract. The paper explores the intellectual heritage and biography of Alexandr Druzhinin as a representative of early Russian liberalism. The author identifies the features of initial Russian liberal concept through studying how the liberals perceived the role of aesthetic views in social construction. Druzhinin was one of the creators of the early liberal concept formed in the second half of the 1850s and in the 1860s. He made the greatest contribution to the elaboration of aesthetic part of early liberal program by creating the domestic version of «pure art» theory. He repeatedly advocated the assimilation of its main provisions as a precondition for positive reception of European liberal experience in Russia.

Keywords: history, aesthetics, history of ideas, individual, concept of «pure art», early Russian liberalism

---

УДК 321.7

САВИН Сергей Дмитриевич – к.соц.н., доцент кафедры социологии политических и социальных процессов Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) (191124, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, 9-й под.; ssd_sav@mail.ru)

УДЕНКО Елена Игоревна – аспирант кафедры социологии политических и социальных процессов СПбГУ (191124, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного 1/3, 9-й под.; elena.udenko@yandex.ru)

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТЕОРИИ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ М.М. КОВАЛЕВСКОГО ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье делается попытка выявить значение теории демократизации М.М. Ковалевского для современной России. Авторы выделяют ряд ключевых идей Ковалевского о закономерностях политического и социального развития общества. В их числе – выводы о роли местного самоуправления, социальных движений, эволюционного развития гражданских прав и свобод в истории различных стран и России. В условиях трансформации современного российского общества эти идеи становятся особенно актуальными, т.к. могут стать направляющим вектором политической модернизации.

Ключевые слова: М.М. Ковалевский, политическая социология, теория демократизации, демократия, политическая модернизация, история политической мысли

На повестке дня в современном российском обществе снова стоит вопрос о модели политического развития. Утверждения некоторых идеологов, что Россия уже выбрала свой путь и уверенно следует политическому курсу, несостоятельны, по меньшей мере потому, что несистемная оппозиция и радикальные силы могут иметь потенциально высокое влияние на политический процесс. Помимо этого, сами идеологи курса реформ не могут найти консенсус относительно ключевых вопросов политического развития – о роли государства и гражданского общества и о самих национальных основах социального и правового государства. Усиление авторитарных тенденций в политике всех уровней на фоне нарастающего экономического кризиса, роста напряженности в социальной сфере и деструктивного влияния на массовое сознание информационных войн указывает на то, что без пересмотра самого подхода к политической модернизации российского общества усиливается опасность общесистемного кризиса.

События вековой давности в десятилетия, предшествующие революциям 1917 г.,